

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-10-12>

УДК: 347.91/95

Attribution

cc by

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ ЭСТОППЕЛЬ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Конорезов Н.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию спорных вопросов применения доктрины эстоппель в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются существующие в судебной практике подходы к определению условий и оснований применения процессуального эстоппеля, а также проблемы его использования при разрешении отдельных процессуальных ситуаций. На основе изучения судебной практики выделены наиболее распространенные случаи обращения судов к доктрине эстоппель и показано, что наиболее часто она применяется при оценке процессуального поведения сторон, прежде всего в рамках доказательственной деятельности и при изменении процессуальной позиции. Обосновывается, что процессуальный эстоппель может рассматриваться как самостоятельное средство обеспечения добросовестного осуществления процессуальных прав, однако его применение оправдано лишь при наличии недобросовестного противоречивого поведения, сформированных у иных участников процесса разумных ожиданий относительно такого поведения и отсутствии предусмотренных процессуальным законом иных средств пресечения соответствующего злоупотребления.

Ключевые слова: эстоппель, процессуальный эстоппель, злоупотребление процессуальным правом, принцип добросовестности, принцип состязательности, противоречивое процессуальное поведение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DISPUTED ISSUES OF THE ESTOPPEL DOCTRINE
IN CIVIL PROCEEDINGS (BASED ON COURT PRACTICE)

Nikolai A. Konorezov

Kuban State University

Abstract. The article is devoted to the study of controversial issues in the application of the estoppel doctrine in civil proceedings. It examines the existing approaches in judicial practice to determining the conditions and grounds for the application of procedural estoppel, as well as the problems of its use in resolving specific procedural situations. Based on the study of judicial practice, the most common cases of courts' use of the estoppel doctrine are identified, and it is shown that it is most often applied in assessing the procedural behavior of the parties, primarily in the context of evidence and changes in procedural positions. It is argued that procedural estoppel can be considered an independent means of ensuring the fair exercise of procedural rights, but its application is justified only in the presence of unconscionable inconsistent behavior, reasonable expectations formed by other participants in the process regarding such behavior, and the absence of other means of preventing such abuse provided for by procedural law.

Keywords: estoppel, procedural estoppel, abuse of procedural law, the principle of good faith, the principle of adversarial proceedings, and inconsistent procedural behavior.

Funding: Independent work.

Введение.

Процессуальный эстоппель представляет собой сравнительно новое для отечественного гражданского судопроизводства явление, которое, однако, в последние годы получает все более широкое признание в судебной практике. Активное его распространение связано, прежде всего, с актуализацией проблемы злоупотребления процессуальными правами, на разрешение которой эстоппель и направлен. Интерес к его применению в правоприменительной практике закономерно побудил исследователей и к его теоретическому осмыслению, однако приходится констатировать, что ни в судебной практике, ни в научной литературе до настоящего времени не сформировано единое представление о правовой природе процессуального эстоппеля,

механизме его действия, а также условиях и основаниях его применения. При этом несмотря на отсутствие единого подхода к пониманию процессуального эстоппеля, он признается перспективным и эффективным инструментом обеспечения добросовестного процессуального поведения, тогда как практический механизм его реализации по-прежнему остается недостаточно разработанным.

Обсуждение. Результаты.

Общепринятого определения эстоппеля в настоящее время не выработано. Наиболее распространенным является его понимание через формулу «запрета противоречивого поведения», в соответствии с которой эстоппель рассматривается как общее правило, ориентирующее участников правоотношений на

последовательное, разумное и предсказуемое осуществление принадлежащих им прав [1, с. 76–78]. Однако, по нашему мнению, сведение содержания эстоппеля исключительно к запрету противоречивого поведения представляется чрезмерным упрощением.

Так, Ж.И. Седова отмечает, что термин «эстоппель» описывает большое количество доктрин о справедливости, которые устанавливают правовые запреты, не позволяющие лицу отрицать или утверждать что-либо противоположное тому, что было ранее уже подтверждено его собственными действиями, заявлениями, явно выраженными или подразумеваемыми, либо тому, что было установлено как истина на основании закона, актами суда или государственного органа [2, с. 245].

Понять сущность процессуального эстоппеля невозможно без обращения к истории его возникновения и развития, поскольку данный феномен сформировался в рамках английского права справедливости, где развивался не как формальный запрет на противоречивое поведение, а как средство обеспечения справедливости и преодоления чрезмерного формализма общего права.

Именно английская судебная практика выработала и закрепила многочисленные доктрины, основанные на началах справедливости, одной из которых стал эстоппель [3, с. 30–39, 82]. Наряду с ним, английское право справедливости сформировало и такие правовые конструкции, как ненадлежащее влияние (*undue influence*), введение в заблуждение (*misrepresentation*), подразумеваемые условия договора (*implication of terms*) [4, с. 5], а также близкие к эстоппелю доктрины *waiver* (отказ от осуществления права), *election* (доктрина выбора) [3, с. 82] и др.

Поэтому эстоппель следует рассматривать не столько как самостоятельный запрет противоречивого поведения, сколько как собирательное обозначение группы взаимосвязанных доктрин, объединенных общей идеей обеспечения справедливого и добросовестного поведения участников правоотношений. Именно этим, как нам представляется, объясняется невозможность исчерпывающе раскрыть содержание эстоппеля посредством одной лишь краткой дефиниции.

Из всего многообразия доктрин права справедливости именно эстоппель был заимствован отечественной судебной практикой и получил в ней наибольшее развитие, причем первоначально его восприятие было связано преимущественно с идеей запрета противоречивого поведения.

Впервые термин «эстоппель» был прямо использован в прецедентном Постановлении Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 г. по делу № А60-62482/2009-С7, в котором был сформулирован вывод о том, что заключение мирового соглашения означает окончательное урегулирование гражданско-правового конфликта и исключает возможность последующего предъявления сторонами новых требований (эстоппель) [5].

В рассматриваемом случае противоречивость поведения проявляется в том, что сторона, вызвавшая

согласие на мирное урегулирование спора, впоследствии пытается отказаться от принятых на себя последствий. Однако значение здесь имеет не столько сама непоследовательность поведения, сколько вызванное этим поведением доверие другой стороны, которая, полагаясь на достигнутые договоренности, обоснованно рассчитывает на окончательное прекращение спора.

В настоящее время практика демонстрирует многообразие форм проявления эстоппеля, что послужило даже основанием для его разделения на «материально-правовой» и «процессуальный» эстоппель [6, с. 299].

Под материально-правовым эстоппелем, как правило, понимают закрепленные в гражданском законодательстве случаи утраты лицом возможности ссылаться на определенные обстоятельства вследствие собственного предшествующего поведения, прежде всего в сфере недействительности сделок (п. 2, 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ).

Хрестоматийным примером использования эстоппеля является ситуация, когда заемщик, выдав расписку о частичном погашении долга, впоследствии ссылается на незаключенность договора займа. В подобном случае, кредитор вправе заявить возражение, основанное на эстоппеле, поскольку предшествующее поведение заемщика исключает возможность ссылаться на обстоятельства, явно ему противоречащие [7].

Анализ судебной практики показывает, что, несмотря на разнообразие рассматриваемых судами ситуаций, применение процессуального эстоппеля подчиняется определенной внутренней логике. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что основанием его применения выступает не всякое противоречивое поведение, а лишь такое, которое свидетельствует о недобросовестном осуществлении процессуальных прав и направлено на получение необоснованного процессуального преимущества за счет другой стороны.

Нам представляется возможным выделить две наиболее типичные практические ситуации, в которых подобное поведение влечет применение процессуального эстоппеля.

Во-первых, эстоппель применяется в случаях, когда ранее совершенные процессуальные действия стороны исключают возможность последующего совершения ею несовместимого с ними процессуального действия. Наиболее распространенными примерами подобной противоречивости являются несвоевременное заявление о несоблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора, позднее заявление о нарушении правил подсудности, а также иные случаи, когда участник процесса предпринимает процессуальные действия, явно несовместимые со своей ранее выраженной позицией [8, с. 83].

Фактически, Верховным Судом РФ уже признана допустимость ограничения возможности ссылаться на отдельные процессуальные обстоятельства вследствие предшествующего противоречивого поведения стороны. В частности, в п. 28 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. №18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» разъяснено, что возражение ответчика о несоблюдении истцом обязательного досудебного порядка урегулирования спора должно быть заявлено при первом обращении к суду по существу заявленных требований [9]. Если же соответствующее возражение заявляется ответчиком значительно позднее, такое процессуальное поведение может свидетельствовать о злоупотреблении правом. Однако полагаем, что, в данном случае, значение имеет не сама по себе несвоевременность сделанного заявления, а то обстоятельство, что ответчик своим предшествующим поведением фактически выразил согласие на рассмотрение спора судом, тем самым, отказавшись от его досудебного урегулирования, вследствие чего, последующее возражение оказывается несовместимым с ранее занятой процессуальной позицией.

Аналогичным образом оцениваются ситуации, когда сторона лишь на поздней стадии процесса заявляет о нарушении правил подсудности, хотя объективно располагала возможностью сделать это значительно раньше [10; 11], так как продолжительное участие в рассмотрении дела без соответствующих возражений формирует у других участников процесса разумные ожидания относительно дальнейшего движения дела, вследствие чего, последующее изменение процессуальной позиции приобретает признаки недобросовестного поведения.

Во-вторых, процессуальный эстоппель в практике судов общей юрисдикции находит применение и к случаям изменения процессуальной позиции стороны в ходе доказывания обстоятельств дела. В отличие от рассмотренных выше ситуаций, здесь речь идет не о совершении процессуального действия, несовместимого с предшествующим поведением, а о выдвижении взаимоисключающих доводов, представлении противоречивых объяснений либо ином изменении фактической позиции по делу, когда эстоппель может быть использован как основание для непринятия во внимание противоречащих предшествующему поведению доводов стороны.

Рассмотрим, в частности, пример из практики Краснодарского краевого суда по делу о взыскании убытков, причиненных ненадлежащим выполнением ремонтных работ. Первоначально ответчик (подрядчик) отрицал наличие недостатков выполненного ремонта, утверждая, что работы были произведены качественно и в полном соответствии с условиями договора подряда. Однако впоследствии он занял прямо противоположную позицию, заявив, что ремонтные работы в жилом помещении истца им вообще не выполнялись. Приняв во внимание непоследовательное поведение ответчика, Краснодарский краевой суд указал на то, что изменение процессуальной позиции должно быть оценено «степенью судебного доверия» и может быть признано недобросовестным, если сторона

заявляет явно противоречивые доводы «в целях выиграть спор любыми средствами» [12].

Представленная правовая позиция заслуживает особого внимания и, как нам представляется, может служить ориентиром для дальнейшего формирования судебной практики, поскольку противоречивость процессуального поведения в условиях состязательного процесса сама по себе еще не свидетельствует о недобросовестности. В ходе судебного разбирательства сторона вправе последовательно приводить различные доводы в обоснование своей позиции, изменять правовую аргументацию, ссылаться на новые обстоятельства, если это не противоречит требованиям процессуального закона. Как справедливо отмечает М.З. Шварц, «когда субъекты гражданского оборота оказываются в суде, никто ни от кого благородного поведения уже не ждет» [13, с. 95]. Действительно, определенная степень непоследовательности объективно присуща состязательной модели судопроизводства, поэтому нам кажется очевидным, что не всякое противоречивое поведение и не всякое изменение процессуальной позиции должно пресекаться процессуальным эстоппелем.

Однако анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды не всегда разграничивают допустимое изменение процессуальной позиции и недобросовестное противоречивое поведение. Так, по делу о взыскании неосновательного обогащения истица (бывшая супруга) в основание своего требования ссылалась на то, что после расторжения брака за счет собственных кредитных средств полностью погасила задолженность по ипотечному кредиту, тогда как ответчик (бывший супруг) не исполнил достигнутые между ними договоренности относительно последующего распределения расходов. Возражая против заявленных требований, ответчик просил признать оставшуюся задолженность по ипотечному кредиту общим обязательством супругов. Суд первой инстанции отклонил данный довод, сославшись на процессуальный эстоппель, и указал на то, что при рассмотрении ранее возникшего между теми же лицами спора о разделе совместно нажитого имущества ответчик не заявлял требований о признании указанного обязательства общим, вследствие чего утратил право ссылаться на соответствующие обстоятельства при рассмотрении настоящего дела [14]. Суд апелляционной инстанции признал данный вывод ошибочным и принял во внимание соответствующие возражения ответчика [15].

Думается, суд первой инстанции исходил из обязанности ответчика заявить требование о признании ипотечного долга общим обязательством супругов еще при рассмотрении предыдущего дела. Однако подобный вывод, как нам представляется, не основан на положениях действующего процессуального законодательства, которое не возлагает на лиц, участвующих в деле, обязанности исчерпывающим образом реализовывать все возможные средства процессуальной защиты при рассмотрении дела. Напротив, в силу прин-

ципов диспозитивности и состязательности, реализация соответствующих процессуальных прав зависит исключительно от усмотрения самой стороны.

Также неоправданно, по нашему мнению, использование эстоппеля в случаях, когда стороной одновременно или поочередно заявляется несколько самостоятельных доводов. Так, например, суд, исследовав заключение эксперта, установил, что первоначально истец отрицала принадлежность ей голоса на представленной экспертам фонограмме, а после получения неблагоприятного для нее экспертного заключения заявила о недопустимости данного доказательства. Расценив подобное процессуальное поведение как недобросовестное, суд сослался на процессуальный эстоппель и отказался давать правовую оценку доводам истца о недопустимости экспертного заключения [16].

Само по себе, дополнение ранее заявленной позиции новыми доводами не свидетельствует о противоречивости процессуального поведения и тем более не образует оснований для применения процессуального эстоппеля. Определяющее значение для его применения, как нам представляется, имеет наличие в действиях стороны признаков недобросовестного осуществления процессуальных прав. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что и факт недобросовестности, связанный с противоречивым и непоследовательным процессуальным поведением, также не всегда означает необходимость применения именно эстоппеля в целях пресечения возникающих злоупотреблений. Изменение процессуальной позиции, явно противоречащее принципу добросовестности, может быть пресечено судом различными доступными ему способами. Рассмотрим это на примере следующей ситуации.

По делу о признании недействительным решения общего собрания членов товарищества собственников жилья ответчик, возражая против заявленных требований, ссылаясь на отсутствие доказательств членства истцов в товариществе как на основание отсутствия у них права на оспаривание, тогда как ранее сам ответчик представил суду письменные доказательства, подтверждающие их членство. Оценив этот довод в совокупности с предшествующим процессуальным поведением ответчика, суд признал его противоречащим принципу процессуального эстоппеля [17].

Нельзя отрицать, что процессуальная позиция стороны может изменяться и даже содержать определенные внутренние противоречия. Однако она должна быть, по крайней мере, согласована с теми доказательствами, которые эта же сторона представляет и на которые ссылается, а обратное может свидетельствовать о недобросовестном осуществлении процессуальных прав. С другой стороны, необязательно противодействовать подобным злоупотреблениям именно эстоппелем, так как, в частности, в рассмотренном выше случае суд располагал достаточными средствами для разрешения спора без обращения к этой доктрине. Сопровергающий довод ответчика мог быть отклонен как не нашедший подтверждения исследованными по делу доказательствами в соответствии с правилами

оценки доказательств, закрепленными в ст. 67 ГПК РФ.

Идея последовательности процессуального поведения в целом не является чуждой действующему гражданскому процессуальному законодательству и находит отражение в целом ряде иных его положений. Так, если сторона удерживает находящиеся у нее доказательства, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны (ч. 1 ст. 68 ГПК РФ). Признание обстоятельств дела, выраженное одной из сторон, освобождает другую от доказывания признанных обстоятельств (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ). Гражданское процессуальное законодательство также исключает возможность повторного предъявления тождественного иска, в том числе после отказа от иска или утверждения мирового соглашения (ст. 134 ч. 13 ст. 153.10, ч. 3 ст. 173, ст. 220 ГПК РФ). Кроме того, в суде апелляционной инстанции, по общему правилу, не допускается представление новых доказательств и заявление новых доводов (чч. 1, 4 ст. 327.1 ГПК РФ).

Поэтому полагаем, что обращение к процессуальному эстоппелю как средству преодоления злоупотреблений может быть оправдано лишь тогда, когда у суда отсутствуют иные процессуальные средства их пресечения. В частности, по нашему мнению, отсутствуют основания для применения эстоппеля в целях противодействия злоупотреблению правом на обжалование, что наглядно демонстрирует один из исследованных судебных актов.

В ходе рассмотрения дела истец отказался от иска в связи с добровольным исполнением ответчиком заявленных требований. Тем не менее, ответчик обжаловал определение о прекращении производства по делу, полагая, что представитель истца не обладал полномочиями на заявление отказа от иска в связи со сменой генерального директора общества (истца). Суд апелляционной инстанции отклонил данные доводы, установив, что выданная представителю доверенность сохраняла силу, а предмет спора к этому моменту уже отсутствовал ввиду добровольного исполнения требований. Дополнительно суд указал на злоупотребление ответчиком правом на обжалование и сослался на принцип процессуального эстоппеля [18].

Думается, что ссылка суда на процессуальный эстоппель не имела самостоятельного значения для разрешения спора и не повлияла на выводы суда апелляционной инстанции. Даже при наличии признаков недобросовестного процессуального поведения ответчика констатация злоупотребления процессуальными правами сама по себе являлась достаточной.

Заключение.

Проведенный анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что применение доктрины эстоппель в гражданском судопроизводстве пока не отличается единообразием, а критерии, условия и пределы ее применения остаются недостаточно определенными. В результате, процессуальный эстоппель получает «репутацию» универсального средства оценки и пресечения недобросовестного процессуального поведения. Сам по себе, процессуальный эстоппель, по

нашему мнению, способен занять самостоятельное место в системе процессуальных средств обеспечения добросовестности. Для этого, однако, им представляется необходимым более четко определить условия и пределы его применения.

1. Процессуальный эстоппель может быть рассмотрен как общее правило, конкретизирующее и дополняющее принципы состязательности и добросовестности. В соответствии с ним, процессуальное поведение лица, участвующего в деле, должно быть не только добросовестным, но и последовательным в той мере, в какой его предшествующие действия уже сформировали у суда и иных участников процесса разумные ожидания относительно дальнейшего поведения.

2. Следуя этому, сама по себе, противоречивость процессуального поведения не может рассматриваться в качестве достаточного основания для применения эстоппеля. В условиях состязательности изменение или дополнение ранее заявленных доводов, уточнение правовой позиции либо использование новых процессуальных средств защиты не противоречат существу процессуальной деятельности. Правовое значение приобретает лишь такое изменение поведения, которое свидетельствует о недобросовестном осуществ-

лении процессуальных прав и направлено на получение необоснованного процессуального преимущества вопреки ранее сформированным разумным ожиданиям иных участников процесса.

3. Тем не менее, даже при наличии признаков недобросовестного противоречивого поведения, обращение к процессуальному эстоппелю не всегда является необходимым. Во многих случаях гражданское процессуальное законодательство уже содержит специальные нормы, позволяющие пресечь соответствующее злоупотребление. В подобных ситуациях ссылка на процессуальный эстоппель не оказывает самостоятельного влияния на разрешение процессуального вопроса и носит преимущественно декларативный характер.

В заключение отметим, что дальнейшее развитие судебной практики должно быть связано с формированием более четких критериев использования процессуального эстоппеля, позволяющих разграничить случаи, когда эта доктрина действительно выполняет самостоятельную процессуальную функцию, и ситуации, в которых достижение аналогичного правового результата уже обеспечивается имеющимися нормами гражданского процессуального законодательства.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7(92). С. 76-78. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.92.7.071-081 EDN: XXRZJZ
2. Седова Ж.И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения: монография. М., 2023. 486 с.
3. Яхимович А.В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве. М., 2023. 288 с.
4. Винокуров С.Н. Исторический путь развития представлений о роли и содержании доктрины добросовестности в английском праве // Юридические исследования. 2018. № 9. С. 1-9. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.9.27295 EDN: YLXMOD
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 г. № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=199443>.
6. Подолгинский И.А. Вопросы применения процессуального эстоппеля: теоретические подходы и современная судебная практика // Образование и право. 2024. № 12. С. 297-302. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-12-297-303 EDN: SCLDMZ
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г.) // СПС "КонсультантПлюс". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/.
8. Володарский Д.Б., Кашикарлова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 5. С. 61-110. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-5-61-110 EDN: SSBUWK
9. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388236/.
10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2026 г. № 88-3908/2026 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=208959>.
11. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2026 г. № 88-2874/2026 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=154899>.
12. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 11 февраля 2025 г. по делу № 33-6454/2025(2-1044/2023) // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOUG&n=9101391>.
13. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппеля // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95-99. EDN: YVERNU
14. Решение Ленинского районного суда г. Ставрополя от 6 марта 2024 г. по делу № 2-680/2024 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSK&n=3529239>.
15. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 23 июля 2024 г. по делу № 2-680/2024(33-3-5586/2024) // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSK&n=3598300>.
16. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 5 октября 2021 г. по делу № 2-220/2021 // СПС "КонсультантПлюс". - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSZ&n=4794106>.

17. Решение Чкаловского районного суда города Екатеринбурга от 7 марта 2025 г. по делу № 2-201/2025 // СПС "КонсультантПлюс". – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOUR&n=8445698>.

18. Апелляционное определение Ленинского районного суда города Иваново от 28 ноября 2024 г. по делу № 11-146/2024 // СПС "КонсультантПлюс". – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOCN&n=14683874>.

References:

1. Roor K.A. The Concept and Essence of Estoppel // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 7(92). Pp. 76–78.
2. Sedova Zh.I. Legal Forms of Denial of Unfair Conduct: A Monograph. Moscow, 2023. 486 p.
3. Yakhimovich A.V. Estoppel in Civil Proceedings. Moscow, 2023. 288 p.
4. Vinokurov S.N. Historical Path of Development of Ideas on the Role and Content of the Doctrine of Good Faith in English Law // Legal Research. 2018. No. 9. Pp. 1–9.
5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 22, 2011, No. 13903/10, in case No. A60-62482/2009-S7 // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=199443>.
6. Podolinsky I.A. Issues of Applying Procedural Estoppel: Theoretical Approaches and Modern Judicial Practice // Education and Law. 2024. No. 12. Pp. 297–302.
7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2017) // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/.
8. Volodarsky D.B., Kashkarova I.N. Procedural estoppel in the practice of Russian courts (empirical analysis) // Bulletin of civil process. 2019. Vol. 9. No. 5. Pp. 61–110.
9. On some issues of pre-trial settlement of disputes considered in the order of civil and arbitration proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18 dated June 22, 2021 // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388236/.
10. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated March 4, 2026 No. 88-3908/2026 // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=208959>.
11. Determination of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated February 19, 2026, No. 88-2874/2026 // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=154899>.
12. The Court of Appeal of the Krasnodar Territory, dated February 11, 2025, in case No. 33-6454/2025(2-1044/2023) // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=A OUG&n=9101391>.
13. Schwartz M.Z. Some Reflections on the Institute of Estoppel // Arbitration Disputes. 2016. No. 1. Pp. 95–99.
14. Decision of the Leninsky District Court of Stavropol dated March 6, 2024, in case No. 2-680/2024 // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSK&n=3529239>.
15. The Appellate Determination of the Stavropol Regional Court dated July 23, 2024 in case No. 2-680/2024(33-3-5586/2024) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSK&n=3598300>.
16. The Appeal Decision of the St. Petersburg City Court dated October 5, 2021, in case No. 2-220/2021 // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSZ&n=4794106>.
17. Decision of the Chkalovsky District Court of Yekaterinburg dated March 7, 2025, in case No. 2-201/2025 // SPS ConsultantPlus. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOUR&n=8445698>.
18. The Appeal Decision of the Leninsky District Court of the city of Ivanovo dated November 28, 2024 in case No. 11-146/2024 // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AO CN&n=14683874>.

Информация об авторе:

Конорезов Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, e-mail: konorezov@list.ru
Nikolai A. Konorezov, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law at the A.A. Khmyrov Law Faculty of Kuban State University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.09.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.